ЕЛЕНА ПОТЕХИНА

Волжские побывальщины

АНГЕЛ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Елена Александровна Потехина

Волжские побывальщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191849
ISBN 9785447449841

Аннотация

«Волжские побывальщины» – удивительные и колоритные рассказы, основанные на реальных событиях и отображающие живую русскую простонародную речь глубинки России. В рассказах приводятся истории о том, как тетка Дарья волка за хвост таскала, как встретилась с медведем (прототипом тетки Дарьи стала жительница Нижегородской обл. Сокольского р-на д. Солищи Галашина Серафима Ивановна). А вот Иван Михайлович Мотовилов – реальный персонаж, житель г. Кинешмы Ивановской обл. и удивительный рассказчик.

Содержание

Рассказы тетки Дарьи 5
От автора 5
Как тетка Дарья с председателем поссорилась 11
Как тетка Дарья помирать собиралась 14
Как тетка Дарья вора ловила 17
Как тетка Дарья со свадьбы шла 20
Как тетка Дарья малину собирала 22
Как тетка Дарья хотела кур завести 24
Нет зверя страшнее кошки 26
Как тетка Дарья о чужой тайне узнала 30
Как Дарья самое важное в жизни поняла 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Волжские побывальщины
Ангел и другие истории
Елена Александровна Потехина

© Елена Александровна Потехина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы тетки Дарьи

От автора

Много детских воспоминаний связано у меня с древними Волжскими городами и селами – Кинешмой, Решмой, Сокольским, Юрьевцем, с самой нашей красавицей – Волгой. Мое знакомство с Волгой началось с изучения ее притоков – малых рек: Казохи, Кинешемки, Решемки.

Однажды летом мы связали две камеры от грузовой машины. Получился настоящий плот, замечательный плот. И мы решили плыть на нем по нашей Казохе. Но мы представляли, что это вовсе не Казоха, а Амазонка. И что сейчас из-за поворота покажутся индейские пироги. Мы – это вся наша команда. И все мы – двоюродные братья и сестры. Я с Наташей, Олька с Толиком, Нина с Санькой. Было здорово интересно и немного страшно. Мы плыли по реке, заросшей кустарником. Но когда Толик сказал, что Амазонка кишит аллигаторами, то я невольно поджала ноги под себя и чуть не плюхнулась в воду.

С рекой связаны мои самые светлые воспоминания. Я могла часами смотреть на воду и не замечала времени. И сколько там было в ней забавного и интересного. Жуки – плавунцы, усатые гальяны, существа, похожие на скорпионов,

только очень маленькие. Игра воды и света, тишина и звук бегущей воды, ее удивительная песня.

Детство, детство… Светлая пора единения с природой, с миром. Когда нет понятия враждебности.

В тот день Толик (он был старше всех) поспорил с Санькой, кто из них самый смелый. Мы были «прекрасными дамами» и они нас должны были защищать от врагов. Толик всегда в душе был рыцарем. Я думаю и остался таким до сих пор. Он здорово изображал ДАртаньяна. Очень много читал. Но самым замечательным был в его исполнении Лимонадный Джо.

Так вот всю дорогу с реки Толик с Санькой спорили, размахивали руками, призывали в свидетели Нину с Наташей. Нас с Олькой в свидетели не брали. Мы были самые младшие и нас можно было «подкупить конфетами».

В самый разгар спора поднялся сильный ветер. И тогда мы увидели, что начинается гроза.

Толик закричал:

– Торнадо, приближается торнадо! Всем в укрытие!

Мы побежали к нам домой. И только мы запрыгнули на крыльцо, как грянул гром и пошел такой ливень, что земли было не видно.

Толик с умным видом провозгласил:

– Начался сезон дождей. Теперь охоту на аллигаторов придется отложить. Амазонка выйдет из берегов и зальет все устье. Но хуже всего то, что гигантские анаконды бу-

дут подплывать к самым хижинам индейцев.

Толик был очень начитанным мальчиком. Мы слушали его, затаив дыхание. А при упоминании о гигантских анакондах мы все бросились в дом и там закрылись на все запоры.

Снаружи бушевал ветер, гремел гром, было почти темно. А мы сидели на кухне, закрыв двери на все крючки. Было здорово страшно и интересно.

Тут с чердака послышались странные звуки, какая-то возня и писк. Кто-то вспомнил детектив о трех поросятах. И все почему-то посмотрели на нас с Олей. Наверное мы были самые маленькие и «молочные».

Толик с Санькой взяли в руки все ножи и вилки, какие нашлись у нас в доме, и решили идти на чердак, чтобы сразиться с «тем, кто сидит наверху». Я представляла «того, кто сидит наверху» очень страшным, черным и лохматым. У него были огромные горящие глаза. Я знала, что его очень трудно поймать, потому что он может становиться невидимым. И еще «тот, кто сидит наверху» не боится ни вилок, ни ножей. Он боится чего-то другого. А чего, я тогда не знала.

Детство – детство… Как я благодарна за мое замечательное детство! Ведь у меня было все. Сестры и братья, река, лес, дедушка и бабушки, был свой велосипед, магнитофон, туфли на платформе. У меня было прошлое моих предков и был колоссальный запас энергии для будущей взрослой жизни. Я дружила с мальчишками, легко влива-

лась в любой коллектив, играючи училась в школе, потом так же играючи поступила в институт и закончила его. Во мне с детства сидела вера в свои силы, в то, что у меня все получится, что все будет хорошо.

Когда я выросла, мои географические познания расширились. Кроме Кинешмы я узнала Иваново, Сокольское, Юрьевец. Но Волга, красавица – Волга, оставила в моей детской памяти самый яркий след..

Волгу многие называют матушкой, кормилицей. А уж я-то знаю, какой крутой нрав у нашей «матушки». Не прощает она ни бесшабашности, ни жестокосердия. Не любит она людей пришлых, заносчивых, жадных до легкой наживы. Потому – то издавна и селились вдоль Волги люди особой породы – волгари. Открытые, легкие в общении, хлебосольные. И говор у них особенный – волжский, протяжный, окающий. Словно и не говорят, а песню поют. И жизнь в те времена была другая – степенная, неторопливая, размеренная. Телевизоров тогда не было. А по вечерам соседи собирались на беседу. Возле самовара узнавали все последние новости, делились сокровенным, решали житейские вопросы.

Это сейчас дома в деревнях запирать стали, раньше такого сроду не водилось. Подойдешь к дому – в замочных ушках палка торчит. Сразу ясно, что хозяев дома нет.

Уже будучи взрослыми, мы с сестрой несколько раз ездили в Сокольское, на родину нашего отца, словно подчиняясь зову предков (это сейчас Сокольское – Нижегородская об-

ласть, а в пору моего детства оно принадлежало к нашей – Ивановской).

Левобережье Волги отличается от нашего привычного представления о Волге правобережной. Кажется, что это совершенно другая река, с другим характером.

А какие там песчаные отмели! Идешь, идешь, далеко-далеко, а все мелко и дно видать. И вода чистая – чистая. Почва песчаная и грязи почти не бывает.

Нашим гидом была двоюродная сестра – Лида. Она водила нас за черникой и земляникой. Она-то и познакомила нас с Галашиной Серафимой Ивановной из д. Солищи Сокольского района Нижегородской области, которая и стала прообразом тетки Дарьи. И хотя много лет прошло с тех пор, но ее рассказы, пересыпанные острыми словечками (на местном диалекте), остались в моей памяти до сих пор.

Дом у Серафимы Ивановны добротный, высокий. Сама хозяйка гостеприимная и добродушная. Вечером мы все собрались у самовара. Тетка Дарья угощала нас домашней наливкой и пирогом с малиной. А потом шел задушевный разговор. Похоже было, что хозяйка устала от одиночества и была нам несказанно рада. Мы же слушали хозяйку с «раскрытыми ртами», да и было что послушать. Ее истории были сами по себе необычны, да еще и ее местный выговор придавал рассказам особый колорит. Живая от природы, подвижная и смешливая, она изображала все так натурально, что мы хохотали до слез. Я записала по памяти

эти местные истории – побывальщины. А вот получилось у меня или нет передать весь колорит необычной яркой русской души, судить вам, мой дорогой читатель.

Как тетка Дарья с председателем поссорилась

Много но свете народу всякого живет. И смешливы, и сурьёзны. И таки, что ни-ни, ни подступись. Особливо среди начальников. Но про это опосля обскажу.

А хочу я вам обсказать об одной бабе нашей деревенской. И вроде обычна баба, неприметна. Но пренепременно с ею всяки истории происходют. И не просто там мелочь кака-то, а ну я вам покажу.

И вот эта сама баба, а звать то ее Дарья, ни при каких обстояниях присутствия духу не терят. А ешо и к магазину придет, где бабы автолавку ждут, и ну про себя всяку побывалщину сказывать. Ну, бабы зубы скалют, Дарью поднаривают.

Хотел один раз наш председатель Дарью-то приструнить, охолонуть значит:

– Что енто ты, Дарья, всяку околесицу несешь? И на ся и под ся. Срамота да и токмо! И баб в сенокосну пору от работы отрывашь?

Так она ево так охолонула, что он опосля ее за версту обходить зачал.

И говорит ему тодысь Дарья-то:

– Ты, Пётр Фомич, свою сурьезность-то оставь. От сурьезности всяки хвори бываt, особливо запоры. Вот ты щас

на меня с сурьезным-то видом взирашь, брови-то насупил. А промежду бровей у тебя вокурат жилка вздуласа. И видится мне, Петр Фомич, как такой унылой и сурьезной, вместо того, чтобы со своей Нюркой чай у самовара с блинами пить, сидишь ты в причинном месте, и жилка у тебя промеж бровей от натуги вздулася. Ох и вздулася! А все от чего? От излишней твоей сурьезности.

Ну, бабы в покат. Нюрка Рогушинска чуть не ноги задират. А Петр Фомич от такого конфузу помидорой залилса. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Дарье кулаком грозит, а сказать ниче не можот, токмо рот откроет, опять закроет… Откроет, закроет… Так молча и ушел.

Но, сказывал дед Культя, что грозилса он Дарью-то без дров в зиму оставить.

Но Дарья она Дарья и есть. И долго на е никто в деревне не серчат. Да и за что серчать-то. Собака лат, ветер несет.

А хозяйка она завидна. И дом у ей справной, добротной, высокой. Да и сама она баба приветлива, последню рубаху скинет – отдаст. А каку наливку делат! А пироги с малиной! Не мудрено, что одиноки бабы, как скотину управют, – к Дарье на самовар. А коли кто из заезжих сгодится, так на постой непременно к Дарье. Вот тодысь – само оно. Може и Дарье-то одиноко, целой день, окромя скотины, не с кем словом перекинуться. А тут стока народу. И пойдет у самовару-то само веселье. И про что токмо Дарья-то нам не сказывала. А мы-то слушам, рты раззяв. Поди в городах-то ento-

ва отродясь не слыховали. Да и Дарья, ну чисто Райкин, все так изображат, что ни оден актер в самых высоких званиях не покажот. И хошь много годов с тех пор утекло, много чево запамятилоса. Но которы побывальщины Дарьины я до сих пор помню. И как она енто все изображала ровно перед собою вижу. И по памяти рассказы енти вам топерь поведаю.

Как тетка Дарья помирать собиралась

Одно лето не заладилося. И льет, и льет, и хмурит, и хмурит. И в голбце вода, и на огородах мокрень, и на гувенниках трава полегла. Ни тебе по грибы, ни по ягоды. Тоска смертна. И взяла меня эта тоска за живо. Ни есть, ни пить. Пришла ко мне Нюрка Рогушинска за солью. А я ей сказываю:

– Веё, Нюра, видно пора мне домой сбираться.

А она, этак невпопад, отвечат мне:

– Чой-то? Куды эйто ты удумала? Аль к Зойке своей непутной? Ишь, изменщица.

– Да не к Зойке я. Куды я им. Они и без меня кажной день грызуться. Помирать я собралася, Нюрушка. Тоска меня взяла. Чую, смертушка под окнами ходит.

Тут под окном Клавка Полувертова мелькнула. Мне от печи Клавкину голову в черном платке видать. А Нюрка Рогушинска с девок пужлива. Ее братья в детстве вывернутым тулупом напужали. Так она обмерла вся и на табурет осела, сама ровно смерть.

Ну, Клавка шумлива, да и в сенцах темно. Загремела ведрами (коромысел зацепила). Так Нюрка стала креститься, да пришептывать.

А тут Клавдя во всей красе, наше вам с кисточкой:

– Даша, не бут ли у тя соли в заем?

– И шо вас седни прорвало? Несолены… Человек, можно сказать, последни часы на свет Божий взират. А они тут со своею солью.

Ну, Клавка с Нюркою всколыхнулиса. Давай вокруг меня кружить, отговаривать это значит, чтобы не помирала я пока. Но я на энти их уговоры ни-ни, не пошла.

И стала я им наказы давать, во что меня обрядить, где положить, да ково на вынос позвать. Тут Нюрка Рогушинска мне и присоветовала на лавку со свечкой прилечь, вроде как примериться. Как оно, если я уже померла, а они по мне сокрушаютса. Ну, лежу этак я, справно лежу. Клавка причитат, как положено:

– Ой, девонька наша, кровиночка! На ково нас оставила! С кем мы чайот у самовару пить будем? С кем по чернику-то пойдем? Кто самоварот нам раздуёт? Кто наливкой-то нас угостит?

А самовар-то у Дашки хорош. Самовар я себе заберу.

Ой, пошто нас покинула, подруженька ты наша ненагдядная! Безо времени-и-и!

А ты, Нюрка, подзор Дашкин себе забирай. Он ей никчему топеря. А Зойка ее непутна все одно все спустит.

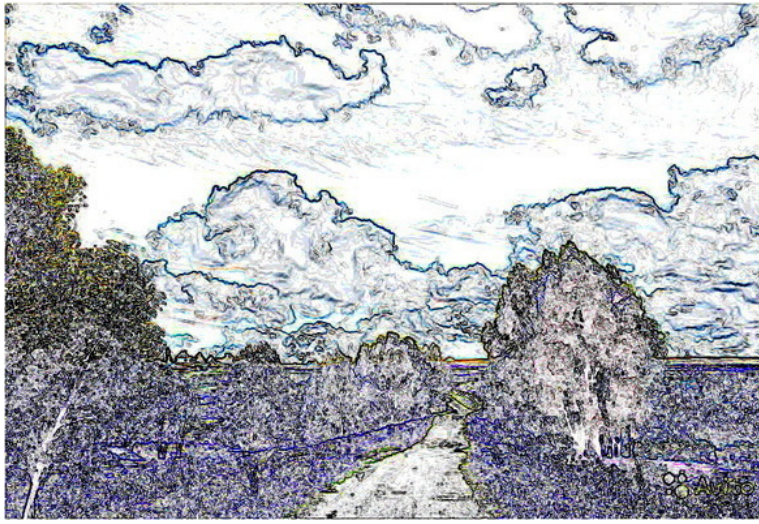
Ой, ой, пошто нас отстаила, осиротинила-а-а?

А половики домотканы мы Культе снесем. Он нам за то печку в бане переложит. Культя давно на мои половики зарится. Ну, у Дашки хошь они и не таки справны, как у меня, а Культе сгодятся.

Вот тут-то меня и приподняло:

– Чем это мои половики хужее твоих? И по какой такой причине вы тут мое добро, за столь годов нажитое, шуруете. Не видать вам мово подзору и мово самовару. Передумала я помирать-то. Вам назло. А от тебя, Клавдея, не ждала я такой обиды. Ишь, половики у меня не таки, как у нее!

Так и не стала я помирать в то лето. Да и распогодилось поутру. И грибы пошли. Белых в то лето хошь косой коси было. Когда уж тут помирать-то.



Как тетка Дарья вора ловила

Одну зиму повадился ко мне курей воровать чей-то пес. Уж я и клетушку запирала, и ворота санями припирала. Все едино – обманет, окаянной, и куренка уташит. Сижу свечера, жду. Как заслышу на дворе шум – я с лампой туды. Но токмо хвост и мелькнет. Я все на соседского Полкана грешила. Но Тарас Манькин мне одно толдычет, что ихней пес на цепи всю неделю. Ну, я думаю не я буду, если вора не изловлю. И вешь уследила! И хошь на дворе потемки были, изловчилася я и ухватила эту псину за хвост, крепко ухватила. А он, этакий здороветня (отъелся на моих курях), через весь двор меня протащил и – под ворота. И я, со всего-то размаху, в воротину, лбом – «хрясь»… Аж в глазах померкло. Тут я хвост-то из рук и выпустила.

Утром головушка моя распухла, ломота. На лбу шишка огромная, а под глазами круги синие. А ить скотину-то поить надо. Взяла я коромысел и – по воду. А Манькин Тарас у свово дому снег кидат.

– Что это ты, – говорит, – Даша, мне не кланяшься?

А я ему в ответ:

– Тьфу на тя, кланяться! И на твово Полкашку – вора! Глянь, что со мной сотворил твой пес – разбойник! Убил! Убил! Начисто убил! Чуть не вусмерть! И последню курченку со двора снес!

Ну, Тарас Манькин божиться. Повел меня к ихнему дому.

– Глянь, – говорит, – вишь, Полкан на цепи. И следу круг его нету. Снег свечера шел. Не мог я его с утра на цепь посадить.

Гляжу я на ихнего пса и сумление меня берет. Уж больно хил. Не мог меня энтот пес через весь двор пропереть. Я – женщина тельная, крепкая. (При этих словах тетка Дарья недвусмысленно погладила руками свои круглые бока.)

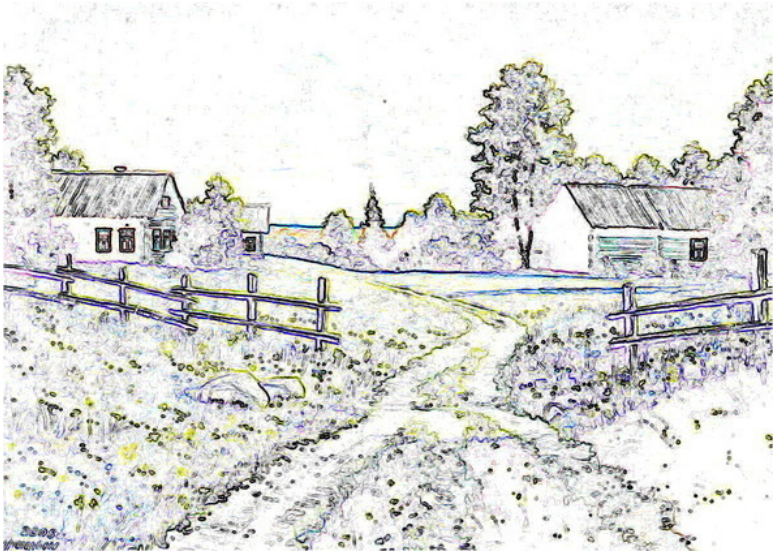
Пошли мы с Манькиным Ткрасом к моему дому. Я ему на следы кажу:

– Смотри, смотри. Вот он со двора вышел. Вот и кровь на снегу.

Присел Тарас на корточки, в затылке почесал, а потом и говорит мне ентаким загадошным голосом:

– Эвона что… Знаешь, Дарья? А ведь следы-то волчьи…

У меня от энтих слов внутри все захолонуло. Особливо, как вспомню, что я энтово волка за хвост таскала, так до сих пор лоб чешется.



Как тетка Дарья со свадьбы шла

А то было дело почише. Уж, что я – баба озорна, а и то струхнула.

Зима тогда тепла была. Подморозит, распустит, опять подберет, снова распустит. Пропивали мы Манькину племянницу. Уж я и плясала! А плясать я страсть как люблю. И гармонист, что огонь, так и зажигат, так и поднариват. Ну, время заполночь. Все путны гости разошлися. И мне пора честь знать. Подалася я к дому. Иду, снежком прикусываю, да приплясываю. А гармонь в голове так и играт. Жар во мне да кураж. Я тулуп распахнула… Хошь босиком по снегу-то итить.

Вышла я в поле. Гляжу, а впереди меня еще какой-то гуляльщик справляется. Да плохо энтак идет. Все больше на четвереньках. Ну, в голове у меня одна гармонь. Догоню думаю попутчика, пособлю ему приямо-то итить.

Тут луна вышла. Светло, что днем. Я пошибче пошла. И только хотела окликнуть:

– Погодь мол, мил человек! Я те пособлю прямо-то итить, с Божьей помощью!

Как вдруг, будто кто мне по башке «хрясь». И умолкла гармонь-то. Словно очнулася я. Гляжу – гдей-то я?

Поле… Луна светит. Что-то впереди чернеет. И на снегу передо мною – следы. Все пять пальчиков видать. Неровно

это «что-то» – гуляльщик со свадьбы справляется, токмо босый. Жарко ему, как и мне, вот он обувку-то и скинул. И тут это «что-то» стало во весь рост… И вижу я, что не человек это вовсе, а медведь.

Вот уж тут я испужалась. Кажись вжисть у меня такого страху не бывало. И до того мне враз холодно стало, что зубы застучали.

Как я назад бегла, не помню. Деревню на ноги подняла:

– Шатун, мол, объявился!

Мужики медведя у пасеки завалили. В деревню на санях привезли. Ох, и велик был! Ох и страшён!

А я-то. Ну и дурна баба!

Как тетка Дарья малину собирала

Кажно лето, как приспевала пора малине, сбиралиса к Дарье товарки ейныя на пироги с малиною. Ну, Дарьины пироги справные. И печь ейная с секретом. К Дарье на ейную печь поглядеть даже мастера из самого Нижнего приезжали. Печь ейную всю, как она есть зафотографировали. Обмерили и описали.

За пирогами, да за чаем Дарья-то и разохотилась:

– А вы пирог-то с малиной ешьте, ешьте! Ее нынче у болота – страсть. Эта малина у меня особа, памятна. У меня по энтой малине долго памятка будет. Во – на щеке след. Что? Хорош? А это все – дурь моя. В лесу живу, а ума не наживу.

Брала я эту малину на гарях перед топью. Крупна малина, сладка. И травы круг не много. Вдруг, слышу, шипит ктой-то. Ну, думаю, не иначе – змейку потревожила. Они, бывает, в самой куст малиновой заберутся. Тоже, поди, ягодку сосут.

Ан, нет, не похоже на змейку-то. Огляделася… Фу-ты, ну-ты! Медвежонок! Высунул язычок и шипит на меня, ровно змейка. И этакой ладной, да малюхотной. Ну – игрушка плюшева. Я медвежонка в полушалок завернула, к себе прижала, словно робеночка. А он робеет. Сердечко-то – тук-тук, ровно у зайца. А я начала его тискать, да приговаривать:

– Эвона, красотенок мой лопоухонькой! Пойдешь ко мне

жить?

А этот «красотенок» как жвахнет меня лапой по щеке, будто пчелка сжалила. Я по щеке рукой провела. Гляжу – кровь. И тут мне будто кто со стороны-то и говорит:

– А ведь медведица-то рядом ходит!

Сняла я тут быстренько с медвежонка свой полушалок, посадила его на пенек. А сама – деру! Бегу, да ругаю себя:

– У, стара холера! Надумала с кем в игрушки играть, в дочки – матери!

А щеку меня научили куриным пометом смазать. Говорят, быстрее заживет. Но я так и не мазала. А, ну их. И так заживет. Где мне помету-то етого взять? Нету курей-то у мя. Хотела обзавестися, да видно не к рукам.

Как тетка Дарья хотела кур завести

Купила я как-то с десяток цыплят в Сокольском. Специально ездила. Привезла – посадила в решето. А они квелые энтаки – примерзли в дороге-то. Растопила я печь, а цыпленков в решете и поставила на шесток. Пусть погреются чуток. Огонь не жарок. А сама приняла для сугреву, поди тоже иззябла, и прилегла на минутку. Ноги-то гудют. Но видно с лекарством-то передозировочка вышла, я и уснула с дороги-то. Вскочила, а печь-то уж прогорает. Цыпленки мои спеклиса. Кверху лапками в решете лежат и этак припахивает паленым-то.

Эх, и разозлиласа я. Всех цыпленков по одному в печь и покидала. Кидаю, да приговариваю:

– Первый цыпленок по-шел, второй цыпленок по-шел. Третий – по-шел…

А потом села и завыла. И цыплят жалко и себя непутную.

А и то не часто я слезу пускаю, не перед кем мне нюни-то распускать. Вот, разве что третьего дня я четверть самогону грохнула. Вот поревела. И ведь первача. Чиста слеза.

У меня одно лекарство от всех болезней – самогон. Хошь внутрь, хоть растирать. Дохтора-то – где они? Да и кому старуха-то нужна?

Уж мне как жалко было. И как из рук выскользнула? У, холера стара! (Бабка Дарья сделала вид, что бьет себя кула-

ком по лбу.) Села я тодысь на порог и завыла, ровно по покойничку.

А потом тятю вспомнила, как он мне говаривал: «Нет худа без добра!» И утешилася.

Нет зверя страшнее кошки

А тятя у меня веселой был, особливо, как выпимши. Други робятишки, если отец выпьет, домой глаз не кажут. А то их матки ихни на Троицу в годовой праздник по чуланам расховают, чтоб не попали под горячу отцовску руку.

Ну мой тятя не таков. На коленки меня усадит, все выспросит. Сахару даст. А то примется к потолку кидать. А я хохочу и не р*о*бею.

Но была у мово тяти чудинка одна. Непременно с праздника он приведет в дом гостя – человека пришлого. И ну его пытать. Как де в их стороне простому человеку живется, что произрастат, кака живность в лесах, рыба в прудах. И пренепременно он гостя за стол усадит, свое почтение окажет, да все по-простому, по-деревенскому.

Мамке нашей прикажет самовар раздуть и все, что ни есть на стол подать. И до того он гостя разохотит, что человек этот пришлый станет ровно дома у себя. И всю душу тяте изольет. Бывat, что тятя и прогонит нас, чтобы уши не грели. А то заберемся мы с Варькой на полати. Затащим туды тулуп тятин. Тихо лежим. Все, как ни есть нам слышно и видно. И каких токмо побывальщин мы не наслушались. Что те кино. Да и то верно. И кина тодысь не было, и радива не слыхали. Все пели больше. А тятя мой любил петь. Особливо бродягу.

Тихо так зачнет, посля надбавит и рукой этак подмахивает:

– По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах…

Да и то сказать, что тятя наш с молоду не газговорчив был. Его так и звали Молчун, да Молчун. А вот красивый сказ уважал. Особливо побывальщину.

Захаживал к тяте и дед Культя. Но мы с Варькой от его прятались. Он нас с Варькой пугал. Изображал из обрубленных своих пальцев козу.

Так вот привел один раз тятя мужика бородатого. Глаз черной, как смоль. А голос ласковой. Мужик ентот вынул из-за пазухи тряпицу, а в ей пряник печатной. И одарил он нас с Варькой ентим пряником. А на прянике кот изображенной. И говорит это он тяте, как бы промежду прочим:

– Нет зверя страшнее кошки.

А потом этак помолчал для степенности, равно с мыслями собираясь, и тихо так начал свой сказ.

– Случай у нас оден был в артели. Артельщики, что семья. Общиной живут. И чтоб доверие полное, иначе в тайгу не ходи.

И прибился к нам парень один рыжий – Федотко. И не то, чтоб до денег охоч, или кусок украдкой съесть. Чего нет, того нет. Но было в ем како-то ехидство, шутейство. Спроси его, пошто он эту пакость сотворил, он и сам не знат. А еще курил он, поди один изо всей артели.

Так вот шли мы с прииска. Занепогодило, и пустил нас

на ночь мельник с женой. Ну, поели мы картошки в мундирах, кипятком запили. Отогрелись, повеселели. Мельник нас воблой угостил. На рыбу к нам с печи ихней кот слез. У ног трется, мурлычет. Хозяин и похвались, что де кот особый, из самой сибири привезенный, крысолов.

Ну, Федюня наш, неровно его бес в бок толкнул, и ткни коту в нос цыгаркой. Ну, кот тут взвился. Уж и кричал, ровно баба на сносях. А потом куды-то зашкерился.

Мельник сперва смолчал, токмо заркнул на Федюню. А потом сказал как-то нехорошо: «А вот это ты зря паря сделал».

Ну, стали спать укладаться. Федюне мельник на сундуке послал. А перед тем, как лампу задуть, к ему подошел и тихо этак сказал: «Ты счас на сундук ложись. А как я лампу задую, перебирайся в сенцы, токмо котомку свою с собой не бери».

Ну, Федюня спорить не стал. И, как хозяин лампу задул – в сенцы выскользнул. А токмо не успели артельщики уснуть, как что-то грохнуло. Потом сделался шум и ровно стон, как мужик охнул. И все стихло. Вбежал хозяин с лампой. Все принялись кричать Федюню. Федюня из сенцов прибежал. Все к сундуку. А на сундуке, как ни ест, вся подушка в клочья располосана и Федюнин мешок рваной. А на ем, на мешке Федюнином хозяйской кот лежит бездыханно.

Федюня тогда надолго присмирел. К мужикам со своим шутейством боле не приставал и ровно совеститься стал.

А и то поговорка у его сделалася, что де «нет зверя страш-

нее кошки».

Как тетка Дарья о чужой тайне узнала

Деревня наша «Чистопрудно» зовется. Это значит – чисты пруды. А прудов у нас три. А и то, все камышом заросли. А один (пожарной) посреди деревни и вовсе пересох, так его всяким хламом и засыпали. А есть один пруд дальней, так вот в ем караси с ладонь. И хошь тиной припахивают, но в муке обжаришь – за уши не отташишь.

И наладил дед Культя по субботам в ентом пруду карасей промышлять. Изготовил он для етакой цели устройство из капроновых колготков. Колготки энти дед Культя в райповском магазине у Верки рыжей на рыбу выменял. Верка деда заверила, что колготки импортные для четырех Ден водостойкие. Дед, конечно, не понял, зачем четырем Денам колготки, да еще водостойкие, но Веерке наслово поверил. Дома в колготки пружины от старого дивана всунул, хлебных корок натолкал и енто устройство на середку пруда забросил, но прежде веревку привязал и у берега закрепил.

На ту пору сгодиласа у пруда Дарья с серпом. Череды нарезать, да мяты для запарки бочек под соленье. Идет у кромки воды и серпом-то вжик, вжик… И за одно и веревку-то Культину «вжик». Ну, Культя взакрик:

– И откуда тя принесло, вражина, со своим орудием.

Ну, Дарья ни при каких обстояниях присутствия духу

не терят:

– А че, – говорит.

– А то, – говорит ей Культя, – что у меня тодысь устройство для четырех Ден водостойкое.

– Че, у тебя дэд одын?

– Тьфу тя! Да морда у меня под окуня, опробовал, новье. А ты тут, своим серпом, мне веревку обрезала. Как я ее теперь из воды выташу? Поди рыбы набилось недуром.

– А ты сплавай.

– Ишь, сплавай. Ты набедила – ты и сплавай. Не сплавной я. Не умею я плавать-то. Тут поди до дна метра два будет. Тьфу, вредная баба! И принесла тебя нелегкая.

– А чей-то ты плавать-то не умеешь? Все в тельняшках, в тельняшках… Сказывал – моряк. Моряк с печки бряк?

– А не твово ума дело. Тут главного тренера по плаванию мирового уровня, все чемпионы, коих он обучил собрались, венков ему на шею понавешали и в бассейн кинули. Это у них так заведено. Лучшего тренера – в воду кидать. Так этот мирового уровня тренер во всех венках ровнехонько на дно бассейна лег и ручки сложил. Ну, ученики его думают, шуткует. Минуту ждут, две – не всплывает. Тут они в бассейн за им и попрыгали. Вместе с венками выташили. Еле отходили. А ты – «моряк». А может у меня – воля железная, хватка стальная. Вот и не держит меня вода-то.

– Голова чугунна, – дополнила Дарья и вытянула из воды Культеву веревку, запутавшуюся в камышах.

Обрадовался дед Культя:

– Ну, слава Богу, не придется порты сымать, в воду лазить. Счас, мы спытам, каков улов.

А улов-то оказалса завидной. Восемь Окунев. И все один к одному. Дед Культя в азарте аж прискочил. Руки потирает, глаза горят:

– А что, Дарья? Подставляй передник. Я те окунев ссыплю. Первой улов – твой. Меня и тятя, упокой Господи его душу, учил первой зачаток людям раздать, али в ближню церкву снесть. Тятя у меня был завидной пчеловод. Но пренепременно первой сбор по соседям раздавал. А робятишкам большуще блюдо меду в заулок выставлял. Робятишки задорются. Круг блюда толкутся. Кто за ложкой побег, кто мед пальцом добыват, кто щепицею. А мед свежой, как слеза, сплошной ниткой идет, не прервется. А духняной! А по то робятишки, когда по огородам озоровали, то тятин сад завсегда обходили. Да и что озоровать-то. Яблоками их тятя и так завсегда одаривал, репой обносил, морквой.

Так что забирай, Дарья, улов тяте на поминание. Хоша не плохо было бы опосля рыбалки-то и рюмочку чаю пропустить (от простуды перво-наперво).

Дарья передник с рыбой к груди прижала, глаза прищурила, словно примериваясь. Культю с ног до головы взором обвела, и с энтаким притворным сокрушением отвечат:

– На чай заходь, у мово самовару кажной вечер посиделки. А вот рюмочку – уволь. Нету-ти рюмочки.

– Ну да обойдемся и без рюмочки. Ты токмо бабам не сказывай, что я плавать-то не умею. А то, неровен час, на смех подымут, проходу не дадут. Перед мужиками совестно. Морской волк и такой конфуз.

– Не скажу. Могила!

– Ну то-то же.

И довольный Культя забросил свое водостойкое устройство от четырех Ден на самую середку пруда.

Как Дарья самое важное в жизни поняла

Никто Дарью не спрашивал, сколь ей годов. А она и не грустила. Сколь есть, все ейныя. А вот к дню рождения – на Ивана Купалу кажной раз ей грустилоса. А ещо ей пренепременно сон являлся знаковой – для задумок. И делалася Дарья опосля этого сна тихая и не весёлая. Соседки ейныя давно за ней это свойство приметили и с расспросами не приставали. А токмо старалиса одну ее не оставлять и к себе по поводу и без повода зазывать. А сама Дарья при такой грусти самовар не раздувала, пирогов не пекла. А еще от ентой тоски уходила Дарья в лес, на цельной день уходила. Да корзины с собой не брала, грибов и ягод не сбирала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.